

Игорь Шестков "Красная папка"

КРАСНАЯ ПАПКА

Последнее путешествие на родину

Друзья и знакомые отговаривали меня от поездки: Не ездь туда, сколько раз ты про них писал... и про него лично такое... они тебя расчленят по живому и в Москва-реку кинут!

А один умный еврей из Вены срезал, саркастически выпучив глаза: Не льсти себе, никому ты не нужен. Писатель. Они тебя пальцем не тронут. Ты себе внушил, что они тебя ненавидят... эмигрантская паранойя... а им и до тебя и твоих писаний нет никакого дела. Но лучше все-таки не ездь, ты человек впечатлительный, испугаешься какой-нибудь тени и в метро под поезд бросишься... А они это кстати... даже не заметят.

А я все равно поехал. Испугаюсь, так испугаюсь. Расчленят, так расчленят. Я старый, больной. Неизвестно, сколько еще протяну. Надо попрощаться с миром детства и юности.

Внутренний голос давно внушал мне, что пестрой и бесформенной картинке моей жизни надо придать определенную законченность... симметрию... драматизм. А я своему внутреннему голосу доверяю.

Кроме того, мне хотелось повидаться с немногими оставшимися в России друзьями... посетить могилы родных... еще раз поглядеть на дом, где жил с папой и мамой, школу... зайти в музей.

Так по крайней мере я себе это представлял. Приеду, встречу, погуляю, посетю...

Но вышло все иначе – абсурдно и страшно. До сих пор не знаю, по моей ли вине, или все это как-то подстроила контора. Неужели они и это могут?

...

Одетый с иголки казах или калмык в русском туристическом бюро в двухэтажном особняке на берегу Хафеля в Шпандау вручил мне мой заграничный паспорт с аккуратно вклеенной в него российской визой и сказал: Желаю вам хорошо провести время на родине. Передайте привет дорогой нашей столице!

Говоря это, он пожирал меня глазами... как клоп ползал взглядом по моим щекам... и неприятно потряхивал большой круглой головой с конской копной непослушных черных волос. Хотел предупредить?

Нет, возбудился, сволочь, от того, что заранее знал, что произойдет с сидящим перед ним человеком «в дорогой нашей столице». Секретом этим поделился с ним знакомый эфэсбешник в консульстве. Ответственный за визы. За кофе... после трудов праведных. Ткнул пальцем в мою паспортную фотографию и шепнул казаху на ухо: А этого придурка... там... хе-хе... замочат.

Или он сам из конторы? Они любят привлекать нацменов на подлую работу. Жалко, что я тогда не понял... не догадался... почему этот друг степей так дико на меня смотрел и потряхивал лошадиной своей башкой. Остался бы себе в Берлине, лопал бы и дальше свои креветки и принимал сандаловые ванны. И не носился бы теперь как неприкаянный между мирами.

...

Долетел я нормально, без эксцессов и задержек. В самолете поспал часок. Когда подлетали к Внуково, видел на горизонте золотоглавый лужковский храм-кенотаф и Кремль, старые высотные здания и новую, футуристическую Москву... а внизу, прямо подо мной... улицу Волгина... узнал выходящий на нее торцом десятиэтажный дом, в котором прожила свои последние годы моя русская бабушка.

Опасался, что задержат прямо на паспортном контроле. Не задержали.

Пограничник посмотрел на меня взглядом аллигатора и отдал мне паспорт.

Из окна такси смотрел на город...

Но не взволновался и не расчувствовался, как в мои прошлые приезды в Москву.

В скверной гостинице, окруженной бесчисленными угрюмыми железобетонными коробками, не нервничал и не переживал ни из-за наглых физиономий персонала, ни из-за знакомого тошного запаха советского общепита, доносившегося из кухни ресторана, ни из-за серого сырого белья, ни из-за неудобной и некрасивой мебели, как будто покрытой тонким слоем липкой перхоти...

Мне казалось, что и эти панельные дома и сама гостиница с ее обитателями были сделаны кем-то наспех из дешевого материала...

На следующий день прошелся по Ленинскому проспекту, не обращая внимания на то, что в горле першило и глаза слезились из-за выхлопных газов... свернул на Ломоносовский... обошел вокруг катастрофически уменьшившегося Дома преподавателей, нашел глазами знакомые окна... балкон... походил по двору, в котором так часто играл с товарищами в чижа и вышибалы. Но не ощутил тоску по детству, которая так грызла меня в мой последний приезд сюда, двенадцать лет назад.

Навестил и любимую когда-то Вторую школу. Постоял у входа, посмотрел на явно скукожившийся фасад, внутрь меня не пустил охранник. Попытался воссоздать в памяти... игру в прыгалки, флирт с одноклассницами, походы в универмаг Москва на переменах, уроки литературы с Германом и физики с дядей Яшей, танцульки... Ничего не вышло. Воспоминания превратились в неясные, размытые монохромные изображения и не оживали, как я их не тербил... как ни впрыскивал в них остатки жизненного эликсира.

От Второй школы прошел к Университету...

И тут меня тоже задержали на проходной и заставили уйти. На головах вахтеров я заметил ранки и шишки. От их лиц веяло непроходимой тупостью. Их губы и руки были похожи на плоскогубцы.

Не торопясь, обошел здание, напомнившее мне колоссальную статую безголового отца народов. Долго задираю голову, смотрел на окна. Представлял себе то, что было за ними... аудитории, коридоры, лифты, мраморные лестницы, столовые, в которых студентов кормили собачьей едой, книжные ларьки с томиками Бурбаков, разрисованные непристойными рисунками туалеты и помпезный сталинский актовый зал с мозаичными красными знаменами на золотом фоне... Тут я отсиживал бесконечные часы на нудных семинарах и лекциях, слушал душещипательную музыку Virtuozов Москвы, смотрел одобренные цензурой спектакли... тут, в плохо пахнущих общежитских клетках ласкал любимых, плавал в бассейне в Клубной части, задыхаясь от хлорных испарений, навещал деда-проректора на девятом этаже и работающую на кафедре мерзлотоведения мать.

Вспоминал, вспоминал...

Но прошлое не оживало. Его стражи, похожие на промышленных роботов,

захлопнули у меня перед носом заветные двери, не пустили в чудесный, наполненный пряными ароматами, сладостными звуками панфлейты и интимными радостями мир. Мир влекущей алой мякоти, зеленых веточек и небесно-голубых небес. Мир нежных прикосновений и беззаботной болтовни... Действительность пожухла, а моя память перестала воскрешать прошлое, превратилась в пыльную картонную коробку с черно-белыми фотографиями, валяющуюся на чердаке оставленного жителями дома.

...

За неделю я выполнил и перевыполнил свою программу.

Побывал и на кладбищах, и в музеях. Отскреб грязь с мраморного надгробья бабушки и дедушки на Хованском кладбище, обошел и Пушкинский музей и Третьяковку, поглазел на Мадонну в винограднике Кранаха и на Демона Врубеля. Поздоровался с Достоевским Перова и Мусоргским Репина. Поклевал носом у саврасовских Грачей.

Просидел два долгих вечера с одноклассниками, пожевал с ними еще раз давно прожеванное... еще раз убедился в том, что старость не делает человека мудрее. Иногда мне мерещилось, что вместо одноклассников рядом со мной сидят их постаревшие двойники.

Погулял по московским улицам, похожим на декорации к какому-то представлению, которое так и не состоялось.

Заглянул в кремлевские соборы... как в карточные домики.

Съездил в Сергиев Посад, постоял у знаменитого иконостаса в Троицком соборе. Переспал с бывшей любовью.

Она вела себя в постели как заводная резиновая кукла...

И арбатские переулки, и Крымский мост, и чудесный вид на Москву с Смотровой площадки на Воробьевых горах, и Донской, и Новодевичий, и Андроников, и Врубель, и Рублев, и Кранах... не обрадовали, не утешили, как бывало прежде. Или я все это переоценивал в прошлом, или потерял былую чувствительность и способность заряжаться чужими энергиями. Картины и иконы казались мне непоправимо побуревшими иллюстрациями в забытой на даче книге, архитектура – убогой подделкой, монастыри и погосты – пахли протухшей землей...

Когда я грезил перед тем как заснуть, мое путешествие в Москву представлялось мне бесконечной ездой в автобусе по темной заснеженной дороге... где заспанный и ошалевший от тряски и бензиновых паров пассажир уже не понимает, кто он, куда он едет, зачем... жадно смотрит в оледенелое окно и видит только желтые огни...

Желтые огни, бегущие назад.

Хорошо еще, что я не догадывался, что эта метафора и была на самом деле моей реальностью, что никуда я не ездил... потому что не может ездить даже по игрушечному глобусу тот, кто на самом деле не существует. Тот, кто давно превратился в усмешку высших сил.

Красная папка

За день до отъезда я проснулся в своем номере и, еще не открывая глаз, начал строить планы. Почему-то мне захотелось в этот мой последний московский день съездить в Архангельское. И я отчаянно пытался вспомнить, что же я в этом Архангельском кроме дурацкий статуи и помпезных интерьеров видел или пережил.

Был там когда-то Театр Гонзага. Но его, вроде бы, так и не восстановили.

Открыл глаза...

Как молния, ударила мысль. В номере все изменилось!

Вместо старомодного тяжелого телевизора на столе стоял небольшой монитор с плоским экраном. Советского производства платяной шкаф-клоповник превратился в элегантный шведский шкафчик... А на журнальном столике лежала красная папка...

Не было там вчера никакой папки! Как впрочем не было и журнального столика.

Красная папка. Подкидыш?

На ее обложке было напечатано крупно: Дело номер 5335.

Взял папку в руки. Горячая! Как такое может быть?

Раскрыл. Полистал. Документы, описания, схемы, фотографии, похожие на

иллюстрации к научно-фантастическому роману шестидесятых годов.

На всех листах сверху – грифы: Строго секретно. Снятие копий воспрещается!

Подлежит возврату в 24 часа.

Мысли в голове побежали как курицы в курятнике.

Так. Кто-то подбросил тебе секретные материалы. Что за материалы – не важно. Важно то, что они – государственная тайна России. А ты – иностранец. И папка находится у тебя. Значит – ты не просто иностранец, что само по себе в России подозрительно и нежелательно, а еще и шпион. Враг. А врагов...

Попался, братец кролик. Предупреждали тебя, дурака. Мадонну в винограднике захотел посмотреть? Вот тебе мадонна – пронумерованная и красная как кровь.

Руки обжигает.

Что же делать?

Сжечь эту паскудную папку что ли? В умывальнике.

Папка – толстая и плотная. Начнешь жечь, потянет дымком, набегут горничные, коридорные, пожарники притащатся...

Это что у вас? Папка? Хотели сжечь? Здорово! Следы замечаете? А что там, в папочке? Секреты родины? Ага... Шпион! Вяжите гада! Шлепнуть его без приговора!

Хотя, если бы они хотели тебя убить или посадить – сделали бы это и без всякого повода. Пришли бы и убили. И никто бы им и слова не сказал, даже если бы они об этом во всех газетах написали. Так мол и так – выследили немецкого шпиона, эмигранта. Собирал информацию о нашей великой стране. Готовил диверсию. При задержании оказал вооруженное сопротивление и был обезврежен сотрудниками ФСБ. Получившими за свой героизм ордена и медали родины.

Россияне – равнодушно пожали бы плечами...

А немцы бы только обрадовались – еще одним чужаком меньше в Германии! Нет, папку тебе положили на столик не эфэсбешники, а люди, которые хотят, чтобы ты ее увез с собой завтра в Берлин. Потому и нет в ней ни компакт-дисков, ни других металлических носителей информации – их бы засекали своими детекторами пограничники в аэропорту, проверили бы и изъяли... а так... бумага, она бумага и есть.

Положу ее в сумку... между шмоток... вроде как рукопись... и сдам сумку в багаж на регистрации.

А что, если сейчас же отдать папку портье? Не моя, мол, папочка!

Подброшенная. Я проснулся, а она на столике лежит. Я ее не открывал, что вы...

Я турист, мне пора в Архангельское... там меня в театре Скарамучча ждет.

Так они тебе и поверят! Портье откроет папку, и бычьи его глаза вылезут из орбит... Тут же донесет. Через пять минут тебя арестуют.

Может, это все – шутка? Документы, фотографии, гриф – липа, фейк, мистификация. Кто-то решил поглумиться над тобой. Ты разнылся как баба... эмоции пропали... вот тебе и завернули поганку... доброжелатели... чтобы ты свои эмоции показал. Где-то на стене или в люстре скрытая камера – и доброжелатели смотрят на тебя сейчас и хохочут как сумасшедшие. И весь интернет вместе с ними.

Нет, все подлинное... Фотографии – сделаны разными камерами, в разное время. Настоящие... не цифровые. Некоторые листы пожелтели от времени, другие еще белые. Это не фейк. Кто-то выкрал папку из архива и приволок сюда.

Зачем?

Решил прочитать хотя бы первые страницы.

...

Так... посмотрим... текст написан ужасным языком. Наверное прапорщик писал.

Многие буквы плохо пропечатались. На Ундервуде печатали?

Речь в «Деле номер 5335» шла о неизвестной серебристой конструкции или машине, которую обнаружили... солдаты Красной армии в Саксонии в мае 1945-го года. На третьем этаже... в здании бумажной фабрики... напротив замка Грабштайн.

Машина эта якобы появлялась и исчезала... Что за бред?

Все попытки ее демонтировать с целью транспортировки и изучения – потерпели неудачу. Прилагался длинный список погибших военных.

Здание было окружено специальной стеной, впоследствии, после окончательного исчезновения машины, уничтоженной. Вся информация о машине – строго засекречена. Понятно.

В пятидесятых годах рядом с зданием бывшей бумажной фабрики располагался

специальный закрытый институт... Проводились многочисленные эксперименты. Удалось выяснить, что машина затягивает в себя, деформирует и телепортирует куда-то различные предметы и организмы. Возможно, на Марс. Многие сотрудники института погибли. Еще один список.

С другими начали происходить необъяснимые явления. Кошмары, галлюцинации, пограничные состояния психики... Некоторые из них утверждали, что нахождение рядом с машиной якобы наделило их способностями перемещаться во времени. Несколько человек заявили, что превратились в дьяволов и каждый день навещают ад. И «путешественники по времени» и «дьяволы» были насильственно госпитализированы в специально для них открытое отделение психбольницы на Загородном шоссе. Сведений о дальнейшей их судьбе нет.

В начале 1956-о года машина исчезла. После полугодовых наблюдений за местом, где она раньше находилась – было решено институт расформировать, а все его отчеты – уничтожить.

Даа... Любопытно было бы взглянуть на эту штуковину.

А не сфотографировать ли мне содержимое папки?

Пощёлкаю... Потом спущусь в лобби. Там в уголке – компьютер с интернетом. Выставлю документы на своей странице, или еще где-нибудь.

Достал свой Кэнон. Настроил его. Собирался сделать первый снимок.

В этот момент с громким треском сломалась – как будто лопнула – входная дверь, и в мой номер ворвались люди в камуфляже и в черных носатых масках. Последнее, что помню – режущий свет, как от сварки, и жуткую боль от разряда электрошокера у меня на шее.

Бас и баритон

Я сидел на деревянном полу. Видимо, в одиночной камере. В полной темноте. Пахло почему-то коньяком и дубовыми бочками. В тюрьме? Очень странный запах.

Хотел встать и пойти на ощупь... но не решился. Вдруг рядом со мной – колодец

глубиной метров в тридцать. Или тяжелый маятник с лезвием на конце...

Неизвестно, что у этих извергов на уме.

Неожиданно услышал голос, доносящийся как бы издалека.

Нет, два голоса. Хриплый бас и повыше, баритон. И еще – шум прибоя. Как будто два человека стояли на берегу моря, смотрели на Луну и беседовали.

Говорили они... обо мне.

Баритон сказал: Вы представляете, монсеньор, он вообразил, что он – эмигрант из бывшего СССР, состарившийся писатель, потерявший способность чувствовать и любить! Более того, он полагает, что в данный момент находится в Москве, в камере на Лубянке, в Матросской тишине или Канатчиковой даче.

Милые названия! И так думает о себе существо, закончившее свой земной путь 62 года назад в живописном городке Миранда. Объясняли ему, объясняли...

Хриплый бас ответил: Нечему удивляться, любезный маркиз, кармический маятник может забросить человечка и подальше... А самообман для такого рода особей – естественное состояние. Может длиться вечность. Но какая фантазия, какое самолюбование, доходящее до мазохизма! Куда вы его на самом деле посадили?

– Прошу прощения, монсеньор, в виду хронической нехватки места для блуждающих в нижних мирах духов пришлось поместить его в пустую бочку из-под бренди! В хорошо известном вам погребе. В Лейпциге. Но он упорно продолжает думать, что он в Москве! В путинской Москве 2018 года! Это что-то невероятное, фантазмагорическое. Он ведь целый мир создал для себя. Только для того, чтобы сыграть там какую-то трагическую роль! Может, попробовать ему еще раз объяснить, что он, где он, когда очнется?

– Он вам не поверит. Решит, что вы – тюремщик или следователь... ну или по крайней мере – привидение или галлюцинация несчастного узника. Он ведь со смертью не смирился и изо всех сил старается походить на живого человека, а люди, как вы знаете, для всего, что не понимают, придумывают особые словечки. И щедро бросаются ими направо и налево. И строят ужасно забавные рожи при этом. Особенно ученые и политики.

– Да, да... Вот ведь умора – привидением является на самом деле он, а не я.

Стоит вам только дунуть в воздух, и он испарится и вся его вселенная вместе с

ним.

– Вы, дорогой маркиз, всегда были склонны к преувеличению. Разумеется я могу превратить господина Сомну в пар... вместе с воображенным им городом... да, в пар, в то, чем он по сути и имеет честь быть... Но я не сделаю этого. Зачем уничтожать безделушку, которой так приятно забавляться? К тому же, он, возможно, сможет нам помочь. Иногда комар может спасти слона. Кстати, как это у них там называется, ага, папка, Красная папка, все еще у него? Или осталась в этом кошмарном номере постсоветской гостиницы?

– Что вы, что вы, по его версии папку у него забрали вызванные им самим из небытия сотрудники ФСБ или Национальной гвардии... для меня вся эта нечисть на одно лицо. Не беспокойтесь, монсеньор, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Вот и прекрасно, папка не должна попасть в чужие руки... слишком важные сведения в ней содержатся. Целиком полагаюсь в этом деле на вашу настойчивость и деликатность. Попробуйте уговорить его. Или обманите... Обещайте ему, что... вы сами знаете. Извините, но мне пора на совет. Там уже поди зреет бунт.

– Бунт? Против вас? Шутите...

В такси

Говорящие замолкли, шум прибора стих.

Я шел по улице неизвестного мне города. Шагал по проезжей части, по растрескавшемуся асфальту. С красной папкой под мышкой. Через несколько минут меня догнал автомобиль. Я поднял руку. Оказалось, это такси. Необычная машина – на гусеничном ходу. И шофер в ней сидел необычный – бывший канцлер Германии Гельмут Коль. Умерший недавно в преклонном возрасте. Ему никак нельзя было дать больше шестидесяти. Энергичный, решительный человек. В идеально выглаженном костюме и никелированных очках.

– Куда поедет, господин Сомна?

– Вы прекрасно знаете, куда, господин канцлер. На переаттестацию личного

состава. Каждый год мучают.

– Где она состоится на этот раз?

– Заседание комиссии состоится в Лувре. В Большой Башне.

– Ее же разрушили еще пятьсот лет назад!

– Разве это им помешает?

– Через полчаса будем на месте. Пристегните ремень, нас может слегка потрясти. Ничего не поделаешь, турбулентности в континууме. Папочку не хотите на сидение положить...

Проговорив это, канцлер вдруг преобразился, стал другим человеком. За рулем сидел теперь обаятельный мужчина лет сорока в роскошном сиреневом кафтане. С напудренным белым лицом. Завитой его парик источал приторные ароматы. Он остановил машину, повернулся ко мне, многозначительно посмотрел на папку и веско произнес: Разрешите представиться. Донасьен Альфонс Франсуа...

Я узнал его баритон.

– Не понимаю, маркиз, зачем вы устроили этот маскарад, потревожили покойного канцлера?

– Не знаю, как для вас, а для меня он обычный грешник, как и все остальные...

Пока свои двадцать миллионов не отработает, будет колесить по здешним дорогам.

– Вы за чем явились? За папкой? Вот она, буду рад от нее избавиться. Могли бы прямо в гостиницу прийти, избавили бы меня и от электрошока и от сидения в этой дурацкой бочке.

– Нет, не за папкой. Что нам эта папка? В ней лежат... бумаги. И только. Нас интересует другое. Та самая машина. Да, да, таинственное это устройство, которое один ваш коллега назвал дезинтегратором материи.

– Неужели для вас или для монсеньора представляет интерес хоть что-то... в земном мире? Почему бы вам тогда не совершить путешествие туда, на бумажную фабрику... Приземлитесь в начале пятидесятых или раньше. Вам же это ничего не стоит. Поиграйте с машиной, пощелкайте кнопками, познакомьтесь с свихнувшимися сотрудниками закрытого института. Я думал, вы это уже сделали. Позабавились на славу. Не понимаю, в чем, собственно,

проблема.

– Да-да. Проблема. Понимаете, эта машина создает вокруг себя что-то вроде защитного поля. Для таких как мы... непроницаемого. Для обычного земного человека она – смертный приговор. Перемелет тело и забросит муку к чертовой матери в другую галактику. Для нас – доступ к ней закрыт... а вот такое существо как вы... может пройти сквозь поле и не быть измельченным в труху и выброшенным на космическую свалку. Благо вы не из трухи состоите, как люди, а из другой... хм... субстанции.

– Ну и что же вы хотите? Чтобы я закончил странствия в Лимбусе и поднялся в реальный мир?

– Вы же так плакались... Хотели бы вероятно вернуть былую чувствительность... Монсеньор вернет вам ее, если вы...

– Ничего я не хочу. Хочу только, чтобы мне не мешали.

– Не мешали играть постыдную роль демиурга? Раскладывать пасьянс, а потом плакать сухими слезами? Поймите, эта машина может запросто уничтожить всю небесную иерархию. Сколько лет мы потратили на то, чтобы ее построить. Все пойдет прахом.

– Ну что же, тогда и я наконец обрету покой.

– Вас просто не будет. Не будет никого и ничего. Произойдет гравитационный коллапс и остановка времени... Открою вам маленький секрет. Вы прочли в папке, что машина исчезла в январе 1956-о года. Институт расформирован, отчеты – уничтожены. Конец всему делу венец. На самом же деле произошло нечто иное. Радикально иное. Тогда исчезла не машина, а мир. Да, весь реальный мир. Он переместился в Шеол... последствия вам известны, если вы конечно хотя бы новости по телевизору смотрите. Если самому монсеньору тошно...

– Что я должен сделать?

– Отправляйтесь сейчас же туда, на фабрику, в год 1945-й. И уничтожьте проклятую машину.

– Как?

– Позвольте ей себя телепортировать вместе вот с этим.

И маркиз подал мне тяжелый золотой диск размером с блюдце. На одной стороне диска была выгравирована звезда Давида, на другой – лилия.

– Вы уцелеете, машина разорвет в клочки только вашу человеческую оболочку, которую мы вам выдадим на прокат. Вам будет очень больно, но благодарность Монсеньора стоит того, чтобы немножко потерпеть. Субстанция, из которой вы состоите, не пострадает.

– А что потом? Возвращение в Лимбус и вечные скитания?

– Хотите поторговаться? С монсеньором?

– Нет, нет, что вы!

– Что будет дальше... и будет ли вообще что-нибудь дальше, будет зависеть от вас.

– Когда отправляемся?

– Зачем тянуть... Сейчас мы вас переоденем.

Маркиз усмехнулся.

– Вот зеркало, посмотрите на себя.

Подавал мне большое овальное зеркало в бронзовой оправе.

В одно мгновение он превратил меня в белобрысого, глуповатого солдата Красной армии. В пилотке, лихо сдвинутой на затылок, жеваной гимнастерке, заштопанных штанах с галифе и стоптанных сапогах. Да еще и с пистолетом-пулеметом Шпагина в руках.

– Мне что, воевать там придется?

– Что вы, мы же не садисты! Для достоверности! Шутка, шутка, милый господин Сомна, автомат исчезнет, как только вы начнете подниматься на лестнице в здании бывшей бумажной фабрики. Лично прослежу. Не забудьте золотой диск, ваше главное оружие, папку оставьте тут... и ничего не бойтесь!

Я положил диск в карман, а папку – на сидение.

Маркиз щелкнул пальцами, и вот... я еду уже не в автомобиле, а на лязгающем и ревущем танке Т-34... Сидю рядом с дулом. И не один, а еще с несколькими ухмыляющимися солдатами.

Дезинтегратор

– Иванов, Петров, Сидоров, живо, ноги в руки, проверьте фабрику. Нет ли там фрицев. Может какой гаденыш засел на верхнем этаже с фаустпатроном. Держитесь вместе, но в кучу не собирайтесь! Выполнять! Через двадцать минут доложить. Живей! О бабах размечтались? Войне конец, но дело делать надо. Командир взвода был уверен, что никаких «фрицев» на фабрике нет, но имел приказ прочесать территорию вокруг замка, внутри которого уже бегали и тащили все что могли несколько десятков воинов-освободителей.

Двое солдат неохотно слезли с танка и, незлобно матерясь, пошли к входу на фабрику. Я пошел с ними.

Мы быстро убедились в том, что фабрика – заброшена. Цеха ее были пусты. Взять тут было нечего. Вероятность подцепить симпатичную немочку была нулевой. Тащиться наверх пришлось мне одному, двое других влезли на какую-то тачку, сели и закурили махорку.

На лестнице – почему-то разволновался, как школьник на экзамене. И струсил. Руки вспотели. И одновременно – ощутил эйфорию.

Давно со мной не было ничего подобного. Я живу!

Оружие мое, как маркиз и обещал, исчезло... превратилось в фиолетовый дымок.

Вот и третий этаж. Достал из кармана диск с звездой Давида... сделал несколько шагов. Залитый солнечным светом зал... казалось, уходил перспективой в бесконечность. Как это бывает в игре с зеркалами.

Надо было сделать еще несколько шагов... не решился.

Волнение мое усилилось. Усилился и страх. От эйфории не осталось и следа.

Пространство внутри зала трещало электрическими разрядами.

Сейчас появится эта адская машина и разнесет меня в клочки...

Но появилось нечто другое. Состоящий из огней святого Эльма шар размером с письменный стол медленно летел через зал, разбрасывая вокруг себя розовые и синие искры. Летел ко мне.

Я выставил перед собой золотой диск как щит и зажмурил глаза. Ожидал смертельного удара током. Пот катился с меня градом.

Услышал легкий хлопок... и как будто... смех.

Открыл глаза. Шар пропал.

Где-то вдруг заиграла скрипка. Незвестную мне, печальную мелодию.

Чайковский?

В зале появилась тонконогая балерина и начала танцевать. Семенила ножками, кружилась, прыгала...

Танцуя, потихоньку приблизилась ко мне. Когда я наконец смог рассмотреть ее лицо, кровь застыла у меня в жилах от ужаса. Лица у танцовщицы не было.

Вместо него... провал в пустоту. Зияние.

Затем по залу беззвучно побежали сотни пестрых баб-матрешек...

За ними в погоню понеслись синие дьяволы.

Догоняли и рвали баб на части.

Затем вдруг и они и бабы застыли, как будто кто-то невидимый им это приказал.

Или выключил электричество.

И вспыхнули как охотничьи спички...

...

Атака захлебнулась. Все солдаты моего взвода были убиты. Я присел на землю, чтобы перевести дух. В нескольких метрах от меня со страшным грохотом разорвалась граната. Ее осколки изрешетили мое тело...

Надо мной, на фоне свернувшегося в цинковый свиток неба, маячила рожа мордатого санитаря.

Я услышал его грубый голос: Сидоров, ты живой?

Кто-то ответил за меня: Где уж живой, смотри... все кишки вылетели из брюха...

Прижал в отчаянии руки к груди...

Понял, что брежу. Заставил себя успокоиться и сосредоточиться.

...

Я все еще стоял в пустом зале на третьем этаже бывшей бумажной фабрики.

И тут я увидел перед собой эту машину. Дезинтегратор.

Черно-белые фотографии, которые были в Красной папке, не отражали ни ее мощь, ни неземную, математическую красоту. Представьте себе сложную комбинацию подвижных, перетекающих одна в одну лент Мёбиуса, сделанных из пластичного, как бы живого сверкающего металла. Ленточная эта конструкция то и дело превращалась в нечто похожее на гипер-куб неизвестной

мне размерности. Затем опять змеилась лентами. Адская мясорубка.

Машина явно создавала магнитные поля необыкновенной мощности, была управляемой черной дырой или червоточиной... Только откуда, черт возьми, этот жуткий аппарат брал энергию для всех этих космических штук?

Невольно подумалось, что и машина эта и фабрика... и я, и маркиз, и сам монсеньор – не более, чем чей-то сон или фантазия... Кино?

А как же танк? Бой? Ранение? Командир взвода, солдаты, замок? Золотой диск с звездой Давида у меня в руках?

Ладно, сон, так сон, кино, так кино. Пора кончать комедию.

Прижал диск к груди, разбежался и прыгнул в мясорубку.

...

Боль была такая, какую вероятно испытывает индюшка, когда у нее с костей заживо сдирают мясо.

Длилась она однако не долго. Уже через несколько мгновений я почувствовал облегчение.

На душе и в теле отлегло...

Я сидел в кресле у камина... курил сигару и слушал сладостную музыку моей молодости, «Рождественскую песню» в исполнении Нэта Кинг Коула.

Рядом со мной, в другом кресле, спала моя нежная возлюбленная, Фарра.

Напечатанный на плохой бумаге журнальчик комиксов, воскресное приложение к городской газете Миранды, который она просматривала перед тем, как задремать, упал на ковер и раскрылся. На левой странице был изображен трясущийся солдат в смешной иностранной форме... с желтым диском в руках, входящий в огромный фабричный цех, в середине которого стояла фантастическая машина необыкновенно затейливой формы, на правой – страшный взрыв, разорвавший и машину и солдата на кусочки.